НИКОЛАЙ ДОРИЗО

★

ТРЕТЬЯ ДУЭЛЬ

Трагедия в трех действиях

Посвящение

Все в нем Россия обрела —
Свой древний гений человечий,
Живую прелесть русской речи,
Что с детских лет нам так мила,—
Все в нем Россия обрела.
Мороз и солнце...
Строчка — ода.
Как ярко белый снег горит!
Доныне русская природа
Его стихами говорит.
Все в нем Россия обрела —
Своей красы любую малость.
И в нем увидела себя,
И в нем собой залюбовалась.
И вечность, и короткий миг,
И радость жизни, и страданье...
Гармония — суть мирозданья,
Лишь он один ее постиг!
Все в нем Россия обрела,
Не только лишь его бессмертье,—
Есенина через столетье,
Чья грусть по-пушкински светла.
Все в нем Россия обрела —
Свою и молодость, и зрелость,
Бунтарскую лихую смелость,
Ту, что веками в ней жила,—
Все в нем Россия обрела.
И никогда ей так не пелось!

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ПУШКИН Александр Сергеевич.
ПУШКИНА Наталья Николаевна, его жена.
ГОНЧАРОВА Екатерина Николаевна, сестра Натальи Николаевны.
ГОНЧАРОВА Александра Николаевна, сестра Натальи Николаевны.
ЛУИ де ГЕККЕРЕН, барон.

ЖОРЖ ДАНТЕС, барон де Геккерен, приемный сын барона Луи де Геккерена.
ЛЕОНИ, дочь Дантеса.
ЮРЬЕВ Михаил, поэт.
САШКОВ Алексей, друг Юрьева.
СОЛЛОГУБ, граф
АДЛЕРБЕРГ, граф.
ИДАЛИЯ ПОЛЕТИКА, друг Дантеса.
ПЕТР ДОЛГОРУКОВ, князь.
МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ, великий князь, брат царя.
АЛИНА, барышня на балу.
КОЗЛОВ Никита Тимофеевич, дядька Пушкина.
ЛИЗА, горничная Пушкиных.
ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, ЛЯТРОК } врачи
Гости придворных балов, высшие военные и штатские чины. Гусары, кавалергарды, знать, приближенная ко двору. Слуги, служанки в домах Полетики, Жоржа Дантеса де Геккерена.

Место действия — Петербург, Париж. Время действия — XIX век.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Ноябрь 1836 года. Петербург, Аничков дворец. Придворный бал. Музыка. Танцы. Гости, переговариваясь между собой, сходятся и расходятся.

В глубине сцены Дантес провожает после танца Наталью Николаевну Пушкину, что-то оживленно ей говорит, привлекая внимание всех присутствующих. На них наведены любопытные, пристальные лорнеты, кивки в их сторону, перешептывание.

Дама

Прелестны, чудно хороши — он и она!

1-й господин

Да, Натали с Дантесом
Как будто друг для друга рождены.

2-й господин

А я слежу за мужем с интересом —
Ревнивец, мавр.

1-й господин

Мужья терпеть должны,
Когда они мужья таких красавиц...

2-й господин

(злорадно)

А Пушкин впрямь и жалок и смешон.
Все над другими потешался он.
Что? Каково теперь ему?

Юрьев

Мерзавец!
(Обращается к своему другу Сашкову.)
Они ему небесный дар простить не могут.
Что ж, было так во все века!
В их шепоте я слышу рокот
Грозы, что, может, так недалека.
О боже, как он одинок
Своею всею гениальной сутью.

Кабы я мог, кабы я только мог
Помочь ему, спасти, закрыть своею грудью!
Да, слух о нем пройдет по всей Руси великой
И назовет его всяк сущий в ней язык.
А что останется от царственных владык?
Да и от нас самих?
От этой светской черни многоликой?

Сашков

Мишель, мой друг, вы, может быть, и правы,
Но, может быть, не меньший вы поэт,
Хоть вам пока всего осьмнадцать лет.
Подумайте о бронзе вашей славы.

Юрьев

Боготворю его.

Сашков

И это вам во вред!
Хотя бы строчку опубликовали
Из тех шедевров...

Юрьев

(перебивает)

Я решил давно:
При нем
печататься ничтожно и грешно.
Прочтет мой стих в каком-нибудь журнале
И усмехнется. То-то и оно.
Хотел ему представиться. Хотел.
Ему на суд отдать творенья тайной лиры.
Всю ночь не спал. Пришел и оробел,
Как лбом ударился о дверь его квартиры
И, как мальчишка, прочь бежал
от этой темноты.

Сашков

При нем так и останетесь в забвенье?

Юрьев

Нет, Алексей, в моем благоговенье
Есть жажда наивысшей высоты.
Ее я должен взять, и вот тогда
Мы с ним поспорим, может быть, на равных.
Что говорю я! Нет! Его творений славных
Мне не затмить ничем и никогда.
Да если б я подумал лишь на миг,
Что мы равны, как близнецы родные,
Я б вырвал свой кощунственный язык,
Второго Пушкина не может быть в России!

Сашков

Да, Пушкина нам хватит одного,
Нам нужен Юрьев окромя его!

Юрьев

(с иронией)

И что за диво — Юрьев Михаил,
Кого он удивит,
Кого он удивил?
(Уходит. Входят Геккерен и Дантес.)

Геккерен

(взволнованно)

Не слишком далеко ли ты заходишь
В своем упрямом увлеченье Натали,
При муже,
При царе
С нее не сводишь глаз,
Любовные признания ей шепчешь,
За нею всюду ходишь по пятам?

Дантес

Мне эту мысль внушил не ты ли сам?
Не ты ли сам
зажег во мне сей пламень,
С утра до ночи восхищался ею,
Не ты ли сам потворствовал роману,
Молил ее быть ласковей со мною,
Грозил ей, что с собой покончу я
И что она в том будет виновата?

Геккерен

Но то была игра,
Не больше чем игра!
Избрал я первую красавицу двора
Не для твоей огнеподобной страсти —
Для легкого пикантного романа,
Чтоб на тебя
вниманье света обратить.
Такой роман, он нужен для карьеры,
Как джентльмену светские манеры,
Как шарм, как шик, изысканный костюм.
А за спиной шумок, пусть даже шум,
Как за кормою пенная волна:
«Он так влюблен в нее!..
Она в него так влюблена!..»
Пристойно все — любовник, муж, жена.
О дикая, проклятая страна.
Плебейство вкусов
И отсталость взглядов.
Романы на французский лад,
Поверь мне, не для азиат,
Или, как бишь их, азиатов!
Ты с этим мавром шутки не шути.
Убьет тебя он, господи прости!
(Крестится, с мольбой.)
Нет, я не вынесу такой потери.

Дантес

Уж, коль дуэль, не промахнусь, учти.

Геккерен

Убьешь его — конец твоей карьере.
Что без карьеры жизнь? — пустой нелепый фарс,
И так и эдак — смерть дуэль для нас!

Дантес

(зло)

Хотя бы знать, что этот Пушкин сочинил.
Жаль, что по-ихнему не знаю я ни слова.
А впрочем, вздор, стишки, пустой расход чернил.

(Восторженно.)
А Натали... прелестна Натали!
Гляжу, любуюсь ею, не дыша,
До спазм сердечных, до знобящей дрожи.
По-русски
безупречно хороша
И по-французски
так прекрасна тоже!
Ведь красоте не нужен перевод —
Любой и так увидит и поймет.
Два года как ломлюсь я в эту дверь,
Два года нет душе моей покоя.

Геккерен

И все же это не любовь, поверь,—
Тщеславье
оскорбленное мужское.
Доступность женская тебя избаловала,
К победам легким слишком ты привык.
А сдайся Пушкина,
и в тот же самый миг
Она б тебе неинтересной стала.

Дантес

Ты женоненавистник. И к тому ж
Меня ревнуешь, как супругу муж.

Геккерен

О Жорж, одумайся, молю!
Не ревность глупая меня тревожит,
Ведь все равно, как я люблю,
Никто любить тебя не может.
Я знаю, что любой ваш разговор,
Весь твой любовный сумасшедший вздор
Она передает дословно мужу.
Вот что пугает более всего.

Дантес

Передает? Но для чего?

Геккерен

Быть может, для того,
Чтоб облегчить
сей исповедью
душу.
Жорж, разгадал я хитрый план его.
Он про себя ревнует, мучается, злится,
Но ревностью
спугнуть ее
боится.
Одно
всего важнее для него:
Чтоб с ним она была предельно откровенной.
Ведь откровенность — думал ты о сем? —
Да, откровенность до конца, во всем
Никак не вяжется с обманом и изменой.
Так
может он жену предостеречь,
Держа при этом наготове меч,
Чтобы вступить с тобой в единоборство.

А был бы он зачинщик диких сцен,
Что б он за ревность получил взамен?
Испуганную ложь или притворство.
Он все твои любовные признанья ей простит,
Ее доверье получив за это.
Сын мой, повсюду за тобой следит
Не только взгляд его, но дуло пистолета.
Есть выход, есть, пока еще не поздно,—
Ее сестра Катрин, да, да, Катрин, Коко.
Она тебя так любит глубоко,
Влюбись в нее, не так чтобы серьезно.
Повсюду вместе видят вас,
Влюбись в нее, хоть для отвода глаз.

Дантес

Нет, я не трус!
Дуэли не боюсь.
Что б ни было, я своего добьюсь.
Я нравлюсь Натали. Она то холодна,
То вдруг ко мне проявит благосклонность.

Геккерен

Уж если Натали и влюблена,
То не в тебя,
в твою
в нее влюбленность.
(Сходятся гости.)

1-я дама

Царь весел, на щеках его румянец.

2-я дама

Весь вечер он с нее не сводит глаз.

3-я дама

Он с Пушкиной танцует третий танец.

1-й господин

О нет-с, четвертый, уверяю вас!

2-й господин

Еще один, господь ей помоги,
И мужу царь простит его долги.
(Смеются. Расходятся.)

Геккерен
(Дантесу)

Не думай ты о ней. Чем ты сейчас встревожен?
(Заметив направляющегося к ним князя Петра Долгорукова.)
К нам приближается князь Долгоруков Петр.
Хоть он наш друг, хромой сей черт,
На всякий случай будь с ним осторожен.
О, если б мог я, если бы я мог
Ходить, как нянька, за тобой повсюду,
Тебя не оставлять ни на минуту.
Да сохранит тебя дух всюдусущий, бог!
(Уходит. К Дантесу подходит князь Петр Долгоруков.)

Князь Долгоруков
(язвительно)

Вид у тебя, мон шер, довольно постный.
Ты озабочен, злобен и уныл.

По-моему, тебя опередил
Счастливый твой соперник
венценосный.
Небось ревнуешь? Это зря!
Тут ситуация, поверь мне, не простая.
К монархам не ревнуют и мужья,
За честь
жены измену почитая.
И носит рожки рогоносец,
Как ордена орденоносец.
Тебе я удивляюсь, дорогой.
Два года пылких рыцарских признаний,
Два года безответных заклинаний,
Уступок горьких гордости мужской.
Два года — срок, да и к тому ж какой!
Ее сопровождаешь повсеместно,
Как паж, как раб смиренный, а она
С тобой то неуступчиво любезна,
То ласково и нежно холодна.
Признайся честно, может, от тоски,
Свою богиню тщетно обожая,
Ты стал писать любовные стишки,
Ее супругу страстно подражая?
Ты, как болонка, что ни день — при ней.
Опомнись, и чем раньше, тем верней.

Дантес
(про себя)

Прав этот ёрник. Честь моя задета.
Я скоро стану (может статься это)
Посмешищем в глазах моих друзей.
(Уходит.)

Князь Долгоруков
(злорадно, весело)

Он так заносчив и самоуверен;
И в этом я помочь ему намерен.
В горниле раскалил я сей металл.
Теперь ничто Дантеса не остудит.
Он действовать решительнее будет,
С безумной дерзостью.
А там — скандал. Заманчивый скандал!
(Уходит. Входит Екатерина Николаевна.)

Екатерина Николаевна

Он только что был здесь...
(Пауза.)
Зачем за ним слежу?
И если встречу, что ему скажу?
Скажу ли, что я думаю о нем
Томительно, мучительно и жадно,
Что даже сны мои горят огнем,
В полубреду зовут к нему невнятно.
Ему-то что! С усмешкою он смотрит на меня,
А на сестру — влюбленными глазами.
Я бы могла ее возненавидеть,
От ревности могла бы ядом отравить,
А я
сама
потворствую их встречам,
Искусно, словно опытная сводня.

Молю сестру быть ласковей с Дантесом.
Мол, ничего в их встречах нет дурного.
Мол, он такой учтивый, остроумный,
Почтительный, галантный кавалер.
Мол, с ним так весело, мол, это не измена
Семье и мужу и не флирт опасный,
А быстротечной молодости дань.
Я говорю, а в сердце ревность ноет.
Но что же остается делать мне?
Ведь если бы их встречи прекратились,
Я б не имела никаких гарантий
Встречаться с ним... Его не видеть —
Нет! Это выше сил моих, пусть с нею,
Но все ж его я вижу каждый вечер.
То в гости к нам заглянет. Пригласит
На лошадях кататься в царскосельском парке,
А без меня
ей ехать неприлично.
Пускай он ищет встреч с сестрой. Но рядом,
Но рядом с нею все же буду я!
А так меня он даже не заметит.
Выходит, я должна благословлять
Его любовь к сестре моей Наташе,
благословлять, как робкую надежду
Коснуться невзначай его руки,
А там, быть может, вытерплю я. Выжду
Сперва пусть малый знак его вниманья.
Любовь такая безответной быть не может.
И неживого воскресит она.
Ну, а сестры бояться мне не нужно.
Наташа и добра и простодушна.
Она
Другому отдана
И будет век ему верна.
Не искусить соблазном эту душу,—
Есть у нее надежная броня.
Любовь Наташи к детям, к дому, к мужу
Да сохранит Дантеса для меня!
(Сходятся гости.)

Юрьев
(Сашкову)

Царь с ней, как офицерик молодой.
Слащав и льстив... Опаснейшая схватка
Державной власти с женской красотой.

Сашков

Чем это может кончиться? Загадка.

Юрьев

Все лишь одним кончается — бедой,
А чем иным для гениев-поэтов...
Так этот мир устроен...
(Гости расходятся. Остается одна Екатерина Николаевна. Входит Наталья Николаевна Пушкина.)

Наталья Николаевна
(оживленно, весело)

Едем, Катенька, домой.
А по дороге тысячу секретов

Я расскажу тебе, друг мой!
Царь преподал сегодня мне урок,
Как мне вести себя:
Не верить ветреным повесам,
Признаньям их — ни-ни, избави бог.
По-моему, тут явный был намек,
Чтоб я совсем не виделась с Дантесом.

Екатерина Николаевна

(испуганно)

Совсем не виделась! Нет, это невозможно.
Ты, видно, что-то поняла не так.

Наталья Николаевна

Царь мне сказал: «Примите мой совет,
как верной дружбы знак,—
Должны вести себя вы крайне осторожно.
Вы так неопытны, бесхитростно прелестны.
А ваша красота — редчайший дар небесный,
Не только друг ваш — но и враг!
За ней, как тень, идет людская зависть,
Месть пересудов, сплетен, злобных врак.
Лишь дайте повод, дайте лишь пустяк,
И вмиг ославит вас — да еще как! —
Влюбленный тайно в вас какой-нибудь мерзавец».
Царь был, как никогда, красноречив.
В опору мне протягивал он руку.
За верность ратовал и долгу и супругу,
Который так горяч и, видимо, ревнив.
Царь говорил, как подобает другу,
А сам насилу сдерживал порыв
Совсем иных,
не ангельских страстей.
Мне было весело и боязно дивиться,
Как, словно узник, государь томится
В темнице добродетели своей.
Но стража понадежней с ним нужна —
Темница крайне непрочна.
«Ваше величество, спасибо за совет.
Не бойтесь за меня,— я говорю смиренно.—
Я с мужем так надежно откровенна.
От мужа
у меня секретов нет.
Он мой защитник, он мой судия.
Конечно, кроме моего царя».
«Все
говорить супругу, может, и излишне».—
«Но, государь, так мне велит мой долг».—
«Есть тайны, должен знать их
лишь всевышний!» —
И тут печально сник он и замолк.

(Смеется и вдруг становится серьезной, повзрослевшей.)

И все ж подале от таких баталий;
От них беды себе на всякий час готовь.
Минуй нас пуще всех печалей
И барский гнев, и барская любовь.

Екатерина Николаевна
(внимательно, как бы изучающе смотрит на нее, потом нервно, оживленно)

А знаешь, Таша, многие считают
Тебя совсем неумной, даже глупой,
Безмолвно чуждой пушкинским стихам,
А мужу чуждой с милым равнодушьем,
Тебя считают обольстительницей светской,
Приумножающей любовные победы
Из прихоти, бездушно и бездумно.
Считают, что тебе дано природой
Одно непроизвольное уменье —
Умение загадочно молчать.
Порой чуть-чуть кокетливо,
Порой чуть-чуть значительно,
Но, к счастью, для тебя
всегда спасительно,
Поскольку тебе нечего сказать.
И удивляются, чем ты царя очаровала,
Да что царя, красавца Жоржа Геккерена!
Все дамы знают — он неотразим;
Так обаятелен, так утонченно нежен,
Как рок, всесилен он и неизбежен,
Все женщины беспомощны пред ним.

Наталья Николаевна
(с улыбкой)

Да, он хорош по всем твоим приметам,
И все ж мне легче устоять пред ним,
Чем пред его блистательным портретом,
Что создан вдохновением твоим.
А клевета? Бог с ней, дружок!..
Летит в лицо, как пущенный снежок.
Конечно, быть должно презренье
Ценой ее забавных слов.
Но шепот, хохотня глупцов...
И вот общественное мненье!
Их, как алхимиков, влечет секрет
Молчанья моего: ведь золото — молчанье.
Так в чем секрет, привлекший их вниманье?
В чем мой секрет?
В том, что секрета нет.
Себя выказывать
неловко мне при всех,
Молчу
без притязаний на успех.
(Пауза.)
В своих сужденьях, может, я наивна,
Но мысль,
как плоть, стыдливой быть должна,
Мысль радостна,
когда она интимна,
Когда лишь сердцу близкому
доверена она.
Ну, а моей душе
И моему уму,
Поверь мне,
Есть
довериться
кому!

Чтоб каждый мог тебя легко прочесть,
Порою только ради любопытства,
В подобной наготе духовной есть
Какое-то тщеславное бесстыдство.
Блистать умом в салонах знатных
Для этих глаз завистливых и жадных...
И кто сочувствие окажет? Лицемеры,
Завистники, ловцы своей карьеры.
Да, я молчу в придворном их кругу,
О чем молчу?
О том,
что мужа я люблю.
Но разве говорить об этом можно?
Сказал —
и обеднил любовь свою.
Да и звучат такие речи как-то ложно.
О чем молчу?
О том,
о чем я думаю повсюду,
В гостях и дома — каждую минуту,
Молчу о том, что дом наш весь в долгу.
Спасибо им, Никитам, Ванькам, Дашам,
Дают взаймы нам крепостные мужики
На мыло, на крупу, а то на фунт муки.
Вот и выходит, в барском доме нашем
Они хозяева, а мы лишь должники.
О чем молчу? О том,
что по ночам
Мой муж не может спать.
А ведь ему работать надо.
Порой мне страшно
от его блуждающего взгляда,
Как будто смерть свою
он ищет сам.
Кому о том скажу,
Его врагам?
В деревню бы уехать нам!
А как уехать, как?
Все думаю о том.
В Михайловском
избушка,
а не дом,
Под обветшалой кровлею худою.
Там для детей, особенно зимою,
Удобств и малых нет. Дом к детям не готов.
Да и царя разгневаем отъездом.
Вот и живем мы, словно под арестом
Придворных маскарадов и балов.

Екатерина Николаевна

(заметив входящего Дантеса, взволнованно)

К нам приближается Дантес.
Прошу тебя, будь с ним поласковей.

Наталья Николаевна

Признаться,
Хоть он мне нравился, но стала я бояться
Его с недавних пор.

Екатерина Николаевна

Он так в тебя влюблен,
Мне больно видеть, как страдает он.

Наталья Николаевна

С мольбою просишь ты меня. Ну что ж!
А если я и впрямь с ним нежной буду
И даже долг семейный свой забуду?

Екатерина Николаевна
(с невольным испугом)

О нет, ты мне такой удар не нанесешь!

Дантес
(в стороне)

Да или нет,
Нет или да,
Сегодня или никогда!
(Подходит к ним, раскланивается, обращается к Екатерине Николаевне.)
Мадемуазель, Идалия Полетика вас ждет.

Екатерина Николаевна
(с усмешкой)

Барон, вам нужен мой уход?
Вы так торопитесь меня отправить к ней,
Здесь не Полетика —
политика скорей!
(Раскланивается, уходит.)

Дантес
(восторженно)

Богиня несравненная моя! Обидней муки нет
Глядеть на вас, как на картину в раме,
Не сметь пасть на колени перед вами...

Наталья Николаевна
(испуганно)

Опомнитесь! На нас глядит весь свет.

Дантес

Но почему? Ведь пред иконой в храме
Пасть на колени каждый может
на виду у всех.
Любовь моя, какой же в этом грех?!
Мне говорят, с царем танцует ваша дама.
Я робко ждал. Хоть робость и смешна.

Наталья Николаевна

Но ваша робость так настойчиво упряма,
Что, право, дерзостью становится она.
Я прежде
от души была вам рада.
Так было с вами весело.

Дантес

Галантный шут!
А какова за это все награда?
Друзей насмешки слышу там и тут.

Меня влюбленной барышней зовут.
Как это все стерпеть, перенести?
Довольно, хватит! Честь моя задета.

Наталья Николаевна

И я должна ее спасти
В глазах язвительного света?
Вы забываете, что я жена и мать.
И так идут за нами кривотолки.

Дантес

Опять вы о своем семейном долге!
Нет, я с собой не в силах совладать.
Ходить при всех как бы в железной маске
И помнить, что мы с вами не одне.
Но есть, есть способ избежать огласки;
Встречаться мы должны
наедине.
Все явное
пусть тайным будет —
Вот что при всех мой жадный пыл остудит.
Вы сами
вынуждаете меня
В толпе
смотреть на вас влюбленными глазами;
Ведь если б
тайно
мы встречались с вами,
Не здесь,
а там
в любви бы клялся я.
Мне не уйти от вас, как от своей судьбы.
Благоразумной будьте, умоляю!
Огонь, что я по искрам рассыпаю
Невольно на глазах у всей толпы,
Вы разрешите свято мне беречь
Для наших тайных, сокровенных встреч.
Лишь дайте тайну мне, и как мужчина
Под пытками клянусь вас не предать
И вашу честь ничем не запятнать.
Даю вам слово, слово дворянина.

Наталья Николаевна

До сей поры я и не знала это.
Так вот какой ценой
мы, женщины, должны
Честь добродетельной жены
Приобретать во мненье света!
Барон, прощайте. Бог вам судия!
Уж лучше вы,
даю на то вам волю,
На людях
опозорите меня,
Чем пред собой
себя я опозорю.
(Уходит.)

Дантес

Все между нами кончено. Не перенесть
Мне эту нестерпимую обиду.

Месть, только месть. Безжалостная месть!
(Входит князь Петр Долгоруков.)

Князь Долгоруков

Ты оскорблен, я чувствую по виду.
Не думай, что уж так она безгрешна.
С тобой она безгрешна. А с царем...

Дантес

Месть, только месть!
(Уходит.)

Князь Долгоруков

Уж то-то грянет гром.
Мне радостно, что это неизбежно.
Не то чтоб я был Пушкину врагом,
К нему особых счетов не имея.
Но я люблю потехи, да позлее.
Ведь жизнь без них бесцветна и пуста.
Спектакль начáлся. Заняты места.
Не знаю почему, но, черт возьми,
Мне скучно
со счастливыми людьми!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Ноябрь 1836 года. Комната квартиры Сашкова. Она, как и другие места действия второго акта, является составной частью ансамбля декораций первого акта, олицетворяющего собой Петербург, империю, так что действие может сразу переключаться в любое нужное место.

Юрьев и Сашков. Входит граф Соллогуб.

Юрьев

Граф Соллогуб! Ну наконец!.. Как он?
Что с ним?

Граф Соллогуб

Я только что от Пушкина.
Сегодня
послал он вызов на дуэль Дантесу,
Меня он просит секундантом быть своим.
А кажется, совсем еще недавно
Мне самому он вызов посылал,
Ревнивый вызов обожанью моему,
Не только обожанью, поклоненью
Наталье Николавне. Все мы тайно,
Безмолвно, робко были влюблены
В нее.
И даже те из нас, кто и в лицо ее не видел,
Влюблялись беззаветно в это имя
Красавицы, уже легендой ставшей,
Избранницы волшебных вдохновений
Того, кто был для нас почти что Бог.
Поймав мои восторженные взгляды,
Он вызов мне послал. Тогда, со мною,
За Пушкина я не боялся. У кого
Из русских поднялась рука бы на него!

А вот Дантес — он славу русскую жалеть не будет.
Не знаю, что и делать: я ж в ответе
За Пушкина перед Россией всей.

Сашков

Отговорить его во что бы то ни стало
От поединка.

Граф Соллогуб

Как отговорить?
Меня он вызвал на дуэль за то, что
Лишь издали я робко любовался
Его женой. А подлецу Дантесу,
Что нагло ей
при всех
в любви клянется,
Такую дерзость Пушкин не простит.
Вы б посмотрели на него. Лицо дрожит,
Глаза налились кровью. В нем ярость африканца
Проснулась вдруг — далеких предков глас.
Таким его я никогда не видел.

Юрьев

(задумчиво)

Предвижу я, такая есть минута,
Когда спокойней умереть, чем жить на этом свете.
Он сам, поймите, сам он ищет смерти.
Коль не Дантес, так кто-нибудь еще.

Сашков

Кто ж автор пасквиля, который как чума
Врывается в дома?

Юрьев

Кто? Это не секрет.
Весь высший свет.
Да, да, весь высший свет!
Не почерк ли графини Нессельроде,
Уж если не ее надушенной руки,
Так почерк хищного ее злорадства,
Не почерк ли Булгарина Фаддея,
Пусть не его, но все же это почерк
Его завистливой и мстительной душонки.
Ну а министр Уваров? Не его ли
Державной злобой дышит этот пасквиль?
Кто клеветник? Весь двор, весь высший свет!
А повод ко всему, конечно ж, дал Дантес.

Сашков

А может быть, Наталья Николавна?

Юрьев

Да, может быть, она,
месть вызвав Геккерена
Супружескою верностью своей.
Ведь чад от их печи идет, ей-ей!

Сашков

Так что ж, выходит, не ее измена,
А верность мужу — перст всевышний сей —
Теперь грозит погибелью ему?

Юрьев

Да, может быть.

Сашков

Я что-то не пойму.
Выходит, мужу измени она,
Но так, чтоб не заметил он обмана,
И жизнь его тем самым спасена
От поединка?
Странно, очень странно!

Юрьев
(горячо)

Уж если Пушкина и виновата,
Так только в том, что дивно хороша.

Сашков
(с усмешкой)

Не надо защищать ее, не надо.
Поэт... у вас порывиста душа.
Наталья Николавна не подруга
Такому гению. Сам дьявол их связал.

Юрьев

О нет!
Они родились друг для друга.
Есть в этом высший смысл
И высший идеал.
Я вижу, вижу я прозревшею мечтою,
Как божий дух, к гармонии стремясь,
Соединил их, тем скрепивши связь
Поэзии
с родной ее сестрою —
Дарованною небом
красотой.

Сашков
(теряя самообладание)

Наш разговор бессмысленно пустой.
Кто эта женщина? Одним лишь совершенством
Дано ей небом обладать. Она,
К несчастью,
совершенно
не умна.
Дантеса завлекла своим кокетством,
Она ж в него, как кошка, влюблена.

Юрьев

И что за диво ваши рассужденья,
Верней, не рассужденья, осужденья.
Еще вернее — жалкое вранье.
Я на балу вчера следил за вами,—
Восторженно влюбленными глазами
Вы издали смотрели на нее.
Смотрели вы с покорностью раба,
С тоскою жадной, безнадежно острой.
Она
лишь тем
для вас безнравственно глупа,
Что вас
в толпе не замечает пестрой.

Вы, сударь, клеветник.
И был бы Пушкин здесь,
Он, как Дантеса, пригласил бы вас к барьеру.
Ведь честь жены —
его прямая честь.
Что ж! Применить придется эту меру
Мне
за него.

Сашков

Я принимаю вызов.

Юрьев

Где, когда
Стреляться будем?

Граф Соллогуб

Господа,
Вы ж были неразлучными друзьями,
Опомнитесь!

Сашков

(побледнев)

Пусть бог рассудит нас!
(Достает из ящика стола пистолет. Стреляет в потолок.)
Я сделал выстрел. Очередь за вами.
Стреляйте. Ну!
Хоть завтра,
хоть сейчас.
(Пауза. Юрьев порывисто бросается к нему. Обнимает.)

Юрьев

Вы любите меня. Вы добрый человек.
Вы только что мне это доказали.
О, если б все дуэли в наш жестокий век
Кончались так!

Граф Соллогуб

Едва ли, ох, едва ли!

Ноябрь 1836 года. Казармы кавалергардского полка. Дантес один. Входит Геккерен.

Геккерен

Я спас тебя, помог мне в этом бог,
Я спас тебя, мой мальчик, от дуэли.
Пока ты здесь в полку своем дежуришь,
Я был у Пушкина. Меня,
Поверь, как будто свыше осенило
Сказать ему, что ты влюблен в Катрин,
Вот почему тебя так часто видят
С ней рядом и с ее родной сестрою,
Женой его, Натальей Николавной,
С которой ты не больше чем любезен.
Я объявил ему о том, что Катеньке ты сделал
предложенье.

Дантес

Да ты в своем уме?!

Геккерен

Да, да, ты сделал предложенье!
Катрин согласна, я с ней говорил.

Дантес

(в бешенстве)

Катрин согласна. Не согласен я.
Я не давал таких вам полномочий.
По-видимому, сударь, вы забыли,
Что вы не мой посланник, а голландский.

Геккерен

Как раз
об этом
я не забывал,
Когда тебя почти что на коленях
Одуматься просил, унять любовный пыл.
Из-за тебя коварный этот пасквиль
Мне
приписали, мне —
Посланнику голландского двора.
А в пасквиле, где Пушкин назван рогоносцем,
Намек на связь жены его
С державным венценосцем.
Как отнесется царь к подобному намеку?
В его глазах я гнусный лжец и пасквилянт,
А не голландского двора посланник.
К тому ж дуэль. Конец всему.
И уж по крайней мере
Конец
твоей,
да и моей карьере.
Ведь ты мой сын.
Ведь я тебя усыновил.
И как ты мне за это отплатил!
(Вытирает платком слезы. Потом решительно.)
У нас есть выход, только лишь один,
Одно спасение — женитьба на Катрин.
Я все продумал, вплоть до мелочей.

Дантес

На то ты дипломат,
А я солдат.
Не подобает мне, мужчине, дворянину,
От чьей-то пули
прятаться за спину
Влюбленной барышни. Меня же осмеют,
Подумать страшно —
трусом
назовут!
И проклянут, как подлого изгоя,
Как прокаженного. Не до карьеры тут,
Когда дворецкий, на пороге стоя,
Заявит мне: «Не велено пускать!»

Геккерен

Как ты боишься трусом стать!
Есть в этом ограниченность и узость.

Дантес

Пусть будет так:
Бояться
трусом
стать
Пока
моя единственная
трусость.

Геккерен

Я честь твою не запятнал, поверь.
Ведь Пушкин
сам
отнюдь не рад дуэли.
Погорячился, вызвал... А теперь
Сам
перемирья ищет.

Дантес

Неужели?!

Геккерен

Он помощь ждет от нас самолюбиво,
Я это понял по его лицу,—
Узнав, что ты с Катрин пойдешь к венцу,
Он этот шаг одобрил молчаливо.
(Про себя.)
Одобрил так, что дерзко хохотал
Над нашим униженьем. Вспомнить страшно!
О, если бы Дантес о том узнал.
Но он поверил мне. И это очень важно.
Все средства хороши для достиженья цели —
Таков закон мой. Господи, прости!

Дантес

Что ж, если Пушкин
сам
не рад дуэли,
Тогда другое дело.

Геккерен

Да к тому ж, учти,
Твоя женитьба — не ответ трусливый
На вызов Пушкина. Вот что спасает нас:
Слух о твоей с Катрин любви счастливой
Пустил я пó ветру давно, а не сейчас.
Пустил сей слух я для отвода глаз,
Чтоб от тебя и Натали отвлечь внимание.
А получилось так, что я как бы заранее
Спасительную версию припас.
Припас на этот случай, про запас.
Твоя любовь к Катрин для тетушки Загряжской
И для других не новость, дорогой,
Пусть тешатся прелестной этой сказкой
До умиленья нравственно благой.

Дантес

Я не люблю Катрин.

Геккерен

Нет, любишь!
Но настолько,

Насколько можно женщину любить.
Все одинаковы — испанка, немка, полька.
Тогда вопрос: а как же с ними быть?
Любить их всех,
Всех поровну, а значит: ни одной.
Везде все та же временная сладость.
Лишь в дружбе упоительной мужской
Есть высшая, единственная радость.
Тебя я, ненаглядный мальчик мой,
Люблю нечеловеческой любовью,
Что доказать могу своею кровью,
Всей своей жизнью, полною тобой.
А Натали твоя игрушка, кукла,
Которую отняли у тебя, как у ребенка,
Тебе близка по-родственному станет,
Быть может, и доступней...

Дантес

Нет.
Мешал мне прежде лишь супруг один,
А тут еще ее любовь к Катрин.
Чем ближе я к сестре ее,
Тем я все дальше от нее!

Геккерен

А может быть, твоя женитьба на Катрин
И будет местью ей за ханжескую верность
Семье и долгу. Может, местью будет побольней,
Чем этот пасквиль?

Дантес
(задумчиво)

Может быть.

Геккерен
(оживленно)

И эту месть мы вот с чего начнем —
Мы Натали уведомим письмом,
Что на нее ты не имеешь притязаний.

Дантес

Ты прав всегда, ты прав во всем.
Мне остается ждать твоих отцовских указаний.

Ноябрь 1836 года. Квартира Пушкина на Мойке. Никита Тимофеевич Козлов один. Входит Лиза. Молча наблюдает за ним.

Лиза

Чем опечалены, Никита Тимофеич?

Никита Тимофеевич
(сокрушенно, как бы разговаривая с самим собой)

Плох барин. Плох... Бывало, ночью
Разбудит то меня, а то Наталью Николавну.
Стихи читает... Где они, стихи!
Он вроде как затравленный какой-то.
Впрямь свора гончих гонится по следу.
Теперь дуэль с бароном.

Лиза

Откуда вам известно?

Никита Тимофеевич

Мне, дядьке, все известно.
Я неотлучно с малых лет при нем.
Я знаю то о нем, что и никто не знает.
Что он, что я, боль у него — и у меня болит.
(Пауза.)
Еще один барон. Везет нам на баронов.

Лиза

А кто же первый?

Никита Тимофеевич

Был такой барон —
Товарищ по лицею. Он меня
Ударил палкой. Так его за это
На поединок смертный вызвал барин.
В такой он раж вошел! Глаза пылают,
Лицо, как судоргой, обидою свело.
А ты скажи, где видано, чтоб барин
Готов был кровь свою пролить?
За что? За оскорбленье
Кого?
Холопа своего, рожденного рабом.
Но, слава богу, миром обошлось.
(Входят Наталья Николаевна и Александра Николаевна.)

Наталья Николаевна

Никита Тимофеич, барин дома?

Никита Тимофеевич

Нет, барыня, пока не приходил.
(Никита Тимофеевич и Лиза уходят.)

Александра Николаевна
(продолжая начатый разговор)

Замужество Катрин предотвратит скандал.

Наталья Николаевна

О перемирье думать он не хочет.
Над трусостью Дантеса зло хохочет.
Вчера, я слышала, Жуковскому сказал,
Что только кровью
можно смыть бесчестье.
Нет, Азинька, боюсь, что он непримирим.
Ушел с утра. Где он? Что с ним?
Я каждый миг жду страшного известья.

Александра Николаевна

Друзья все знают: этот пасквиль — ложь.
Зачем же придавать пустым наветам
Значенье роковое?

Наталья Николаевна

Это так. И все ж
Не забывай —
он Пушкин.
Дело в этом.
Ведь имя Пушкин
не кружку друзей

С их мненьем,
как и жизнь их,
быстротечным,—
Оно
принадлежит
России всей
И потому должно быть безупречным.
Дантесу мненье тех важней всего,
Кого сегодня он встречает в свете,
А Пушкин так тревожен оттого,
Что знает Пушкин — каждый шаг его
Судить потомки будут. Он в ответе
Пред ними. Потому он так раним.
Как трудно жить с бессмертием своим!..
Болезненно раним и щепетилен.
Когда прочел он этот мерзкий пасквиль,
Где на меня и на царя намек,
Послал министру графу Канкрину
Письмо, в котором говорит, что он желает
Немедленно, притом сполна вернуть
Свой долг царю. Именье Кистенево
Принять он просит в счет уплаты долга.
А долг не мал — почти полсотни тысяч.

Александра Николаевна

Да где ж их взять? И так вы без копейки
С детьми.

Наталья Николаевна

Он все именья наши
Готов продать. А долг царю вернуть.
Не осуждай его. Пойми, монаршья милость
Меня,
его жену,
в глазах людей порочит.
В сем разе он не может и не хочет
Воспользоваться щедростью царя.

Александра Николаевна
(растроганно обнимает ее)

Ты ангел, Ташенька! Страдалица моя.
(Обе плачут.)

Наталья Николаевна

Я вроде виновата перед ним.
А в чем, сама не знаю.
За что, скажи, и он и я страдаю,
Как мне помочь ему?

Александра Николаевна

Надеюсь я, быть может,
Не ты, а наша Катенька ему поможет.
Он добр, хоть вспыльчив. Он простит, поймет
Ее любовь к Дантесу. Пусть он даже
Дантеса ненавидит. Но возьмет
Назад свой вызов.
(С улыбкой.)
Загляну я к Маше,
Что Пуськиной
уже себя зовет.
(Уходит.)

Наталья Николаевна

Дантес... Уж я-то знаю... Нет, не любит он сестру.
Бедняжка Катенька... О боже, неужели
Я грех преступный на душу беру,
Ее замужеством
спасая мужа
от дуэли.
Дантес не сможет Катеньке простить
Их брак, лишь по нужде необходимый.
Он будет ей всю жизнь жестоко мстить
За то, что он женат на нелюбимой.
Она в него так слепо влюблена.
И, если я ей в этом потакаю,
Тем
я сестру родную обрекаю
На муки многих лет. Выходит, что она
Нарочно в жертву мной принесена,
Чтоб от семьи моей отвлечь беду подальше.
Здесь столько и предательства и фальши!
Пока еще не поздно, я должна
Отговорить сестру от этой свадьбы лживой.
Не то мне кара божья суждена,
И эта кара будет справедливой.
(Входит Екатерина Николаевна.)

Екатерина Николаевна
(оживленно, немного напоказ предаваясь веселью)

У Нессельроде бал был до утра.
В моих ушах все время, не смолкая,
Звучит тот вальс, что танцевала с ним вчера...
Я очень счастлива, Наташа, дорогая!
В Дантесе столько нежного добра.
Он говорил, что будущее наше
Безоблачно. Меня он любит, Таша!

Наталья Николаевна

Опомнись, Катенька!
Все это лишь игра.
Не торопись со свадьбой,
умоляю!

Екатерина Николаевна

Игра?
Это с тобой
была игра,
Теперь-то
я прекрасно понимаю!
Тебя из прихоти, верней, из озорства
Хотел завлечь он, проявив упорство.
Его любовь к тебе — обман, притворство,
Слова, одни красивые слова!
Ты думала, его вниманья крохи
Я собираю с барского стола,
Что мне достанутся лишь только слезы, вздохи
О нем украдкой.
Этого ждала?
Хоть с виду ты
И ангел доброты,
Ты мстительна, завистлива и зла.

Как ты расстроить нашу свадьбу хочешь,
Какие мне страдания пророчишь!
К нему меня давно ревнуешь ты.
Да, да, ревнуешь. Я-то и не знала,
Что значит целомудрие твое.
Любовь к нему ты так хитро скрывала,
Но ревность
явно выдала ее.
Дантес всегда меня любил, всегда!

Наталья Николаевна

(про себя)

О как она беспомощно горда!
(Ей ласково, успокаивая ее, как ребенка.)
Ну, хорошо. Коль ты не можешь без него,
Я разве против счастья твоего?
Что ж, выходи ты за Дантеса замуж.
А там уж...
Быть может, будет он тебя любить.

Екатерина Николаевна

(притихшая, задумчиво, покорно)

Все может быть...
Все может быть...
И о тебе
забудет он с годами —
Моя любовь
ему поможет позабыть.

(Входит Александра Николаевна.)

Дом... Дети...

Александра Николаевна

Я, сестрицы, разделяю с вами
Предчувствие хороших перемен.
(Входит Лиза.)

Лиза

К вам, барыня, барон Луи де Геккерен.

Наталья Николаевна

Проси.
(Лиза уходит.)

Александра Николаевна

По-моему, барона мерзкий лик
Похож на Мефистофеля, на беса.
Барон — он черный человек Дантеса.
Живет
в Дантесе
этот пакостный старик.
Ты, Катенька, должна начать с того,
Что отобрать Дантеса у него.
(Пауза.)
Недаром Пушкин ненавидит так его.
Считает он,
Что этот пасквиль гнусный
Бароном Геккереном сочинен.
(Входит Геккерен.)

Геккерен

Сударыни, нижайший вам поклон.
Примите комплимент мой безыскусный:
Прелестны вы. Но Катенька сегодня
Прелестней всех!

Александра Николаевна

(про себя)

Бессовестная сводня!

Геккерен

(смотрит на Наталью Николаевну)

Недаром сын мой
в Катеньку влюблен.
Влюбился он давно,
хоть муж ваш
и узнал о том недавно,
Два года
как в нее влюбился он,
Что может подтвердить
Наталья Николавна.

(Наталья Николаевна молчит.)

Геккерен

Я вижу, вы согласны. Вот и славно!

Александра Николаевна

(про себя)

Какой цинизм!

Геккерен

Да, и еще мой сын
Просил вам передать уведомленье.
(Отдает Наталье Николаевне письмо.)
Здесь говорит он о своей любви к Катрин
И просит вашего благословенья.

Январь 1837 года. Квартира барона Луи де Геккерена. Дантес полулежит на кушетке в мундире кавалергарда. На полу, у изголовья, бутылка шампанского.

Дантес

(резко вскакивает с кушетки)

Какие-то кошмары снятся...
Будто он
Влепил мне пулю в лоб,
и голова скатилась
С плеч
и кричит, еще живая,
А этот дьявол, этот мавр хохочет.
Как он уверен в ярости своей...
А у меня дрожат от ужаса колени.
Я жалкий трус!..
Мне страшно!..
Страшно мне!..
Его я ненавижу.
Почему ж
Стараюсь заглянуть в его глаза,
как мальчик,

Влюбленный безответно.
Что за сила
Исходит от него?!
Меня толкает
В безумье
заглянуть в его глаза.
Ищу в них смерть свою?..
(Пауза. Подходит к зеркалу.)
Такую внешность
Иметь.
И ни за грош все потерять!

Уходит. Входит Екатерина Николаевна. Рассматривает картины, висящие на стене. Входит Геккерен.

Геккерен

Пусть вам живется здесь отрадно и свободно.
Теперь он вашим стал — мой холостяцкий дом.
Его согрели вы своим теплом.

Екатерина Николаевна

Гляжу на эти редкие полотна,
На кубки древние. Им просто нет цены.
Какой знаток вы русской старины!

Геккерен

Польщен, что похвалили вы мою особу.
Мне повезло, что я сюда попал.
Я за бесценок это все скупал,
(с усмешкой)
Чтоб русской стариной порадовать Европу.
О, ею будет Запад восхищен!
Но ныне
так мне повезло, как никому на свете,—
Такой шедевр нашел я.

Екатерина Николаевна

Где же он?

Геккерен

(весело)

Взгляните в зеркало, и вам оно ответит.
В коллекции моих картин
Всего прелестней
вы,
Катрин!

Екатерина Николаевна

Барон, какой вы тонкий льстец.

Геккерен

Я вам доверил, как отец,
Любовь того, кто для меня всего дороже.
(Входит Дантес. Он крайне взволнован.)

Екатерина Николаевна

Что с вами, Жорж! На вас лица нет. Боже!

Дантес

(резко, грубо)

Оставьте же меня в покое, наконец!
(Екатерина Николаевна, еле сдерживая слезы обиды, убегает.)

Геккерен

Жорж, в положении твоем,
Скрывать не стану, крайне щепетильном,
Я б с молодой женою так не говорил.
И месяц не прошел со дня твоей женитьбы.
Что скажет общество? У нас в семье скандалы.
Выходит, ты не по любви на ней женился,
А по другой причине.

Дантес
(яростно)

Что скажет общество?
Оно уже сказало!
Вот,
полюбуйся.
Анонимный пасквиль.
Его подбросили под двери нам в передней.
(Протягивает ему письмо.)
Ты можешь не читать. Там на листе бумаги
Одно лишь слово — слово трус!
Оно меня огрело, как пощечина,
Горит позором на моем лице.
Теперь ничем не смыть его. Все кончено!
Где б ни был я — в казармах, во дворце,—
Везде услышу за своей спиною:
«Трус! Трус!» —
и никуда мне от позора не уйти.

Геккерен

Тебя на Пушкина хотят нацелить, навести,
Как пистолет,
его враги любой ценою.
Молю тебя, не будь оружьем в их руках.

Дантес

А ты забыл о тех своих словах,
Что рисовали райскую идиллию.
Ты ж говорил, что Пушкин склонен к перемирию.
Где это перемирье, где оно?
Со мною он здороваться не хочет,
Во всех домах мой брак с Катрин порочит.
Мне остается лишь одно —
Мстить, мстить ему!

Геккерен

Но не жене своей.

Дантес

И ты о святости семьи, о долге!

Геккерен

Не в этом дело. Будешь грубым с ней,
Тем подтвердишь ты пушкинские толки,
Что ты женат не по любви отнюдь,
А из боязни подойти к барьеру.
Так развенчай же в людях эту веру —
Влюбленным рыцарем с женой на людях будь.
Сыпь комплиментами, гляди в глаза ей страстно,
Покорным, нежным будь. Да что учить тебя!

Любая грубость в сей момент опасна,
Иначе трусом явишь ты себя.

(Уходит.)

Дантес

Что ж получается? О чем хлопочет он?
Коль я
из трусости
в жену свою влюблен,
То я и вправду
жалкий трус,
выходит.
Таким
меня он, видимо, находит.
И от него — позор.
Позор
со всех сторон!
Трус!
Трус!
Страшнее нету кары.
Кто мне в лицо швырнул
сей пасквиль злой?
Как будто он подглядывал за мной,
Когда сегодня снились мне кошмары.
(Как бы уговаривая себя.)
Нет, лжете!
Я женат не от испуга.
Моя жена мила мне и умна,
Заботливая, верная подруга,
Я счастлив, что она моя жена!
(Уходит. Входит Екатерина Николаевна.)

Екатерина Николаевна

Ко мне он дерзко равнодушен.
Что ж! Знала я, на что иду.
Ведь кроме Жоржа мне никто не нужен,
В терпенье гордость я найду.
Он — мой, а это главное, он — мой,
Он мой, а это всех обид превыше.
Я с ним готова жить в Мадриде, в Лондоне, в Париже.
Он мне дороже родины самой.
Как странно, прежде я не ревновала
Его к сестре. Так почему ж сейчас,
Когда совсем уж нет причин как раз,
Его ревную глупо, запоздало,
Ревную так, что ночью вдруг проснусь
От ужаса, что он ушел к Наташе?
Лежу
в немом отчаянье пропажи,
Пока плеча его рукою не коснусь.
Какая-то немыслимая чушь!..
(Пауза. Екатерина Николаевна замечает анонимное письмо, забытое Дантесом на столе.)
Письмо... подметное... Кому?
Ему.

(Читает.)

«Трус!» Этого еще недоставало.
Из-за угла удар кинжала.
Вот почему был так взволнован муж!
(Входит Дантес.)

Дантес

Богиня несравненная моя!
Я был с тобою резковат немного,
Прости мне, дорогая, ради бога,
Всем лучшим, что во мне, тебе обязан я.
С тобой я как бы вновь на свет рожден.
Лишь ты одна сегодня мне опора.
Как они жаждут моего позора!..
Не знал я, что врагами окружен.
(Яростно. Обращаясь к кому-то, невидимо присутствующему здесь.)
Вы лжете! Лжете с ликованьем мерзким.
Но не боюсь я вашей клеветы.
(Ей лихорадочно.)
Ты веришь, что тебя люблю я, веришь ты?

Екатерина Николаевна

(Успокаивая его, как ребенка. Ласково.)

Да, верю. Верю я всем моим сердцем женским,
Которое непросто обмануть.

Дантес

Спасибо, Катенька, ты мне смогла вернуть
Хотя б на миг спокойствие. Спасибо!
Ты так добра, мой ангел, так красива.
Во мне не сомневайся никогда.
Мы будем счастливы. Да, да!
Мы будем счастливы...
О чем я?
Вот о чем,
Я, Катенька, о дочери мечтаю.
Мы нашу дочь Леони назовем.
Прекрасней имени, ей-богу, я не знаю!

Екатерина Николаевна

(с грустной улыбкой)

Ну что ж, я дочь тебе родить готова
Хотя бы ради имени такого.

Дантес

Дочь, только дочь! Она мне ночью снится
Даже тогда, когда мне и не спится.
(Пауза.)
Здесь где-то я письмо забыл. Ты не видала?

Екатерина Николаевна

Видала. Вот оно.

Дантес

(испуганно)

Читала?

Екатерина Николаевна

(небрежно)

Не читала.
(Подает ему письмо.)
Какая-то поклонница твоя?
Ты не тревожься. Не ревнива я.

Дантес

Всю жизнь твердить я буду в упоенье,
Что я люблю тебя!
(Уходит.)

Екатерина Николаевна

Так говорит он, будто здесь его враги,
Как будто хочет он пред ними оправдаться,
Что он не трус, что он женился по любви.
Не их,
себя
он хочет в этом убедить,
Поэтому со мною он так нежен.
Выходит, я благодарить должна
Его врагов за эту нежность мужа.
Уж лучше равнодушие его,
По крайней мере нету в нем притворства!
(Плачет. Потом берет себя в руки.)
Он от меня, мой бедный, ждет участья.
Я все стерплю,
Лишь бы ему помочь.
Он хочет дочь.
Пусть будет дочь.
Быть может, дочь
В дом принесет спокойствие и счастье!

Январь 1837 года. Квартира Идалии Полетики. Входят Наталья Николаевна и служанка.

Наталья Николаевна

А где же госпожа?

Служанка

Просили подождать.
(Служанка уходит.)

Наталья Николаевна

Мне остается только лишь гадать,
Что от меня ей нужно, в чем причина.
Как-то
не так
она себя вела.
Меня в свой дом Идалия звала
Уж слишком, я сказала бы, невинно.
Притом наигранно. Где ж гости? Нет гостей.
Не помню, кто-то так сказал о ней:
Когда добра к тебе красавица Идалия,
Будь от нее за три версты и далее.
И впрямь подальше от ее затей!
(Входит Дантес.)
Вы?.. Здесь?.. О боже!

Дантес

Предательство! Ловушка! Западня.
А почему боитесь вы меня?
Ведь как-никак мы родственники все же!
Меня ваш муж изволил не принять,
Когда приехал я со свадебным визитом.
С ним говорить, что черпать воду ситом.
Ему придется на себя пенять.
Убью его! Себя убью! А Катя
С собой покончит, если я умру.
Погубите вы мужа и сестру.
А что — меня, так это будет кстати!

Что до меня вам! Что вам до того,
Как мне живется с нелюбимою женою.

Наталья Николаевна

А ей?

Дантес

Кому?

Наталья Николаевна

Сестре моей, а ей-то каково
Живется?

Дантес

Я вас успокою!
Она ведь любит, значит, счастлива она,
Что я с ней рядом. Что ж еще ей надо!
Вам в жертву жизнь моя принесена.
А какова за это мне награда?

Наталья Николаевна

Мне в жертву?

Дантес

Да. Решил я принести
Себя вам в жертву, чтобы тем спасти
Честь вашу от опасных светских сплетен.
Любовный пламень мой настолько стал заметен,
Что не укрыть его от посторонних глаз.
Молва мне не страшна,
Боялся я за вас!
А муж ваш, чтобы вы меня презрели,
Как труса, все иначе повернул —
В отместку мне такой скандал раздул,
В моей женитьбе он узрел боязнь дуэли.
Его я не боялся никогда
И не боюсь. Вы лжете, господа!
Как жаль, что нет его, я б заявил воочью
В лицо ему, как вызов честный мой,
Что я люблю вас с гордостью прямой,
Что сердце молится лишь вам и днем и ночью!
Вы будете моею, или я вот здесь, сейчас,
При вас
С собой покончу!
(Выхватывает пистолет.)
А коль одной моей вам смерти мало,
Со мною Катенька пойдет в последний путь.
(Бормочет как бы в бреду.)
Моя любовь, молю тебя, моею будь!
(Бросается к ней, пытается осилить, обнять.)

Наталья Николаевна

(вырываясь)

Эй, люди! Помогите кто-нибудь!
(Входит испуганная служанка.)

Служанка

Вы звали, госпожа?

Наталья Николаевна

Мне с сердцем плохо стало.
(Служанка хочет ей помочь.)
Нет, ничего...
Не надо! Я сама.
(Уходит со служанкой.)

Дантес

Ей-богу, я схожу с ума!
(Входит Идалия Полетика.)

Идалия

Ну, взяли вы реванш?

Дантес

Под дулом пистолета
И то не взял.
Что ж, видно, не дано!
(Раскланивается, уходит.)

Идалия

Каким бы ни было свиданье это,
Вполне достаточно,
Что было
все ж
оно!
И было тайным... Что ж, обрадуем поэта
Известием о нем.
Без подписи письмо ему пошлем.
Как отнесется он к такому адюльтеру
Его жены? Да, с каждым новым днем
Все ближе Пушкин к смертному барьеру.
Теперь-то наконец в моей он власти.
Как ненавижу я лицо бесовское его,
Его творений дерзких колдовство.
Такая ненависть —
почти любовь
по страсти.

Январь 1837 года. Аничков дворец. Придворный бал. Обстановка первого действия.

К Юрьеву и Сашкову подходит граф Адлерберг.

Граф Адлерберг

Дантес нахально лезет на рожон.

Сашков

Дуэли хочет дерзостный барон.
Ждет вызова. Его стремленья явны.

Граф Адлерберг

Сейчас при Пушкине, при всех пил, ухмыляясь, он
За прелести Натальи Николавны.

Юрьев

Ждет вызова подлец? А почему
Мне
этот вызов
не послать ему?

Сашков

Но, к сожаленью, вы должны предвидеть,
Что этот жест ваш, этот добрый знак
В салонах будут поняты не так,
И это может Пушкина обидеть,
Больное самолюбье оскорбить —
Мол, честь жены
он
защитить не может.

Юрьев

Признаться, это и меня тревожит.

Граф Адлерберг

Так как же быть?

Сашков

Я ведаю, как быть.
(Показывает на великого князя Михаила Павловича, стоящего в окружении офицеров.)
Великий князь, вот он нам и поможет.
Дантес ему недавно изъявил
Свое желанье на Кавказ податься.
И там он жаждет с горцами подраться.
Вот нам и надо, чтобы Михаил
Препятствий в том Дантесу не чинил.
Граф Адлерберг, великий князь,
Как всем известно, уважает вас.
Поговорите с ним не медля, здесь, сейчас.

Граф Адлерберг

(задумчиво)

Да и Жуковский
так меня о том просил...
Не может отказать нам Михаил!
(Граф Адлерберг подходит к великому князю.)

Великий князь Михаил Павлович

Граф Адлерберг!
А я, дружок, с обновой,
Послушайте последний анекдот:
Один корнет на станции почтовой
Карету ждет.
Так вот.
К нему гусар подходит, ус крутя.
Навеселе.
И говорит шутя:
— Послушайте, кларнет! —
Сострить изволил он.
А тот не растерялся
И в ответ:
— Я слушаю, тромбон! —
Что? Каково?
(Громко, неудержимо, заливисто хохочет.)

Граф Адлерберг

Ваше высочество...

Великий князь Михаил Павлович
(перебивая)

Ефрейтора поручик вызывает
И говорит:
«Подумай, брат, сперва
И отвечай:
зачем тебе, служивый, голова?»
«А я
ей
ем!» — ефрейтор отвечает.
Что? Каково?
(Громко, неудержимо, заливисто хохочет.)

Граф Адлерберг

Ваше высочество, у Жоржа Геккерена
Не дай бог грянет с Пушкиным дуэль.
Ужель нельзя предотвратить ее, ужель
Жизнь гения для нас не драгоценна?
Ваше высочество, я умоляю вас!
Прольется кровь. Здесь дорог каждый час!

Великий князь Михаил Павлович

Но как нам Пушкина спасти от сей дуэли?

Граф Адлерберг

Жорж хочет на Кавказ.
Пусть едет на Кавказ,
Хотя б на краткий срок по крайней мере.

Великий князь Михаил Павлович

О нет! Увольте! Не хочу такой потери.
Жорж весел, остроумен, наконец.
И мне не до его дуэлей и амуров.
Кто будет пополнять походный мой ларец —
Мою коллекцию острот и каламбуров?

Граф Адлерберг
(про себя)

Пред кем я слезы горькие мечу!

Великий князь Михаил Павлович

Дуэль!.. Картель!.. Ну, братец, услужили!
Об этих глупостях я слушать не хочу!
Меня увольте, дорогой мой, или
Воленс-ноленс
Мы вас уволенс!
Что? Каково?
(Громко, неудержимо, заливисто хохочет. Они раскланиваются, расходятся в разные стороны. Входит Наталья Николаевна.)

Наталья Николаевна
(крайне взволнованно)

Откуда знает Пушкин о моем
Свидании с Дантесом у Полетики?
Кто рассказал ему? Он как в бреду горит.
Проклятья Геккеренам посылает.
Он что-то пишет, рвет и снова пишет.
Что пишет? Может, вызов Геккеренам?
Я виновата, если что-нибудь случится.
Я виновата, я!

(После паузы, как заклинанье.)
Он Пушкин!
Он не может умереть!
Есть бог.
Бог это не допустит!..
(Плачет.)
Доверилась Идалии... И мужу
Я не сказала о свиданье тайном.
Впервые скрыла что-то от него.
Он не винит меня. Он добр со мной и нежен.
Лишь я, его жена, одна про это знаю,
Как может он понять, простить, любить!
Но если б рассказала я ему
Про тот бесстыдный натиск Геккерена,
Он Жоржу не простил бы оскорбленья,
И тут уже дуэль наверняка!
Я скрыла, утаила, обманула,
Великий грех на душу приняла.
О господи! Я пред судом твоим стою,
Чтоб оправдать себя, и жизни мне не хватит.
Боялась я, что кровью муж заплатит
За откровенность тяжкую мою!
Не ведаю, что ждет нас впереди.
Мне страшно!..

Дантес

(подошел к ней незаметно.)
Что с вами?
(Она смотрит на него, бледнеет, почти теряет сознание, опирается на кресло.)

Наталья Николаевна

Как только дерзости у вас хватило
Ко мне после того, что было,
С любезною улыбкой подойти!
Я думала, вы муж сестры моей.
И вдруг таким себя вы оказали!
На нас все явно смотрят в этом зале.

Дантес
(про себя)
Пусть смотрят, пусть,
Тем отомщу ему и ей.

Наталья Николаевна

Прошу, уйдите, не бежать же мне от вас!

Дантес
(про себя)
Какой я трус, увидят все сейчас!

1-я дама
(с жадным любопытством наблюдая за ними)
Ни до кого на свете нет им дела,
Вот до чего людей доводит страсть!

2-я дама
(злорадно)
Так от любовной неги побледнела,
Ей-богу, может в обморок упасть!

Юрьев

(слышит их разговор, про себя)

Какая злоба в их словах.
Искажены в злорадстве лица.
Подруга гения! Что ж, может так случиться,
Хула о ней останется в веках.

(Уходит.)

1-й господин

А муж от ревности безумным стал вконец.

2-й господин

Как погляжу — комедия, не драма!

1-я дама

(мужу)

Скорее дочку уведи, отец,
Подалее от этакого срама.
Ведь замужем, и вдруг такая прыть.

3-я дама

(восторженно)

Свою любовь они и здесь не могут скрыть —
В томленье, как Ромео и Джульетта.

2-й господин

Зачем же он женился на другой?

Кавалергард

По-рыцарски пожертвовал собой,
Чтоб дамы честь спасти во мненье света.

2-й господин

(пожилому генералу)

Вы ж говорили, что она невинна.

Пожилой генерал

Весьма невинна.

2-й господин

Это как сказать!
Ведь оказалось, все ж была причина
Такой ценою честь ее спасать.

1-я дама

(своей дочке, барышне)

Всего наслышалась? Пора домой, Алина.

Алина

Вы так торопитесь, домой меня гоня,
Как бы хотите вырвать у меня
Безнравственный роман из-под подушки.

3-я дама

Смотрите, Пушкин! Господи, прости!

2-й господин

Где?

(Все смотрят на появившегося в глубине сцены Пушкина, который молча стоит, прислонясь к дверной раме, скрестив на груди руки. Издалека он едва виден.)

Шепот:

Пушкин!
Пушкин!
Пушкин!

Дантес, глядя в сторону Пушкина, вызывающе опускается на колено перед Натальей Николаевной.

1-я дама

Он на колени перед нею встал!

2-я дама

Какой скандал!

Пожилой генерал

Картель, а не скандал!
(Немая сцена. Пушкин молча исчезает.)

Дантес
(на авансцене)

Мне или Пушкину — кому из нас ложиться
В ту жесткую дубовую постель?
Не состоялась первая дуэль,
Ну что ж,
зато вторая состоится!

Затемнение. Сцена открыта. Вместо занавеса идет снег. В музыке нарастает трагедия. Доходит до своего апофеоза. Когда зажигается свет, тот же самый придворный бал. Тот же вальс. Та же толпа. Февраль 1837 года.

Входит барон Луи де Геккерен. Иные из гостей стараются его не замечать, а иные с ним подчеркнуто любезно, участливо здороваются.

Господин
(кивая в сторону Геккерена, своей даме с сожалением)

А Пушкина-то нет,
Скончался... Жаль его... Был неплохой поэт.
Прошу на танец вас.

Юрьев
(в стороне)

Нет Пушкина!.. А все на том же месте,
Все те же лица,
Тот же смех
и тот же вальс...
Погиб Поэт! — невольник чести...
(Пауза.)

1-й кавалергард
(Геккерену)

Как чувствует себя Дантес, простите?

Геккерен

Спасибо господу, рука почти что зажила.

1-й кавалергард

Барон, пусть изощряется хула,
Мое сердечное сочувствие примите!

2-й кавалергард

Жорж поступил, как долг ему велел,
И слава богу, что остался цел!

Юрьев

(на авансцене)

Я Пушкину
живому
не посмел
Прочесть ни строчки из написанного мною.
А вот теперь
ему свои стихи читаю,
И днем и ночью с ним лишь говорю.
Не смел я в дом прийти к нему живому,
Лишь к мертвому осмелился прийти,
Коснуться хладных рук его губами...
Какая мощь в потоке толп народных,
Что в дом его со всех сторон стекались.
В шинельках да в тулупчиках овчинных
Шли люди русские к нему со всех дорог.
Всю жизнь он одинок был здесь, в гостиных.
И лишь в гробу
он не был одинок!
Возмездье?
Где оно!
Пусть в скорбной тишине
Ударит гром,
Боль совести разбудит.
Уже прошли, как огнь, по всей стране
Слова.
Их гневно повторяют люди:
А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастия обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!..
Но есть и божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

1866 год. Париж. Особняк сенатора Дантеса. Гостиная. Дантес один. Несмотря на свой возраст, он выглядит довольно молодо, хотя в это утро осунувшийся, побледневший, сгорбленный.

Входит Геккерен. Они молча обнимаются.

Дантес

Приехал... Надолго?

Геккерен

Проездом я в Париже.
К тебе примчался на два, на три дня.
Твое письмо встревожило меня.

Так что ж стряслось, мой мальчик, говори же?
Нет на тебе лица.
Ты бел как полотно.

Дантес

(взволнованно ходит по комнате)

Несчастье! Да, несчастье, здесь оно,
Под сенью этой крыши.
Я сердцем чувствую его приход.

Геккерен

Ты болен?

Дантес

Нет.

Геккерен

(нежно)

То ли любовь к тебе тому причина,
Но ты мне кажешься, как прежде, молодым.
А я вот болен, и притом неизлечимо,
Смертельно болен возрастом своим.
Чего, скажи, тебе недостает?
Обласкан королем, притом сенатор Франции,
В твоих руках внушительные акции,
Казалось бы, все есть: богатство и почет...

Дантес

Здоровье дочери меня гнетет.
Все чаще с нею нервные припадки,
То вдруг она впадает в забытье...

Геккерен

Не слишком ли ты балуешь ее!
Она у вас как тот утенок гадкий.
Упрямо не похожа с детских лет
Ни на кого характером и нравом.
Не предается девичьим забавам —
Кокетству, танцам. Что ей высший свет?
Ее науки точные влекут.
За книгами всю юность просидела.
Закончила зачем-то институт.
Не светское, не бабье это дело!
Ее причудами я крайне недоволен.

Дантес

Характер у нее весьма раним.

Геккерен

И что печальнее всего, необъясним.

Дантес

Когда ребенок твой так тяжко болен,
Ты вроде в чем-то виноват пред ним.
Она же плоть моя, моя родная дочь!
Сегодня не спала всю ночь.
Какие-то стихи нашли в ее тетрадке
На русском языке, что злей для нас врага.
Всю ночь читала, говорит слуга.
А утром плач, истерика, припадки.
Она ведь в детстве русский изучила,
И изучила тот язык сама,
Вот что непостижимо для ума!

Все русское ей дорого и мило.
Какая-то неведомая сила
Ее влечет к России. Не понять
Ее пристрастий, дум, стремлений, вкусов.
Родилась и росла среди французов,
Здесь
дом ее!

Геккерен

Видать, пошла не в мать.
Та на тебя Россию променяла.
А коль страдала, про себя страдала.
Покорствовала, нянчила детей...
Коль речь идет о дочери твоей,
Лечить, лечить ее во что бы то ни стало
От русских книг, от русских словарей.

Дантес

Нет, дорогой мой, от России всей!
Меня
Россия,
а не дочь
карает,
Коварно мстит издалека. Да, да!
Родную дочь от сердца отрывает
И от меня уводит навсегда.
Всю жизнь меня преследует она!

Геккерен

(испуганно крестится)

Жорж, бог с тобой!
Такое слышу от тебя впервые.
Не помутился ли рассудок твой?
Пора забыть тебе о чуждой нам России.

Дантес

Кабы она дала мне о себе забыть.
(Берет себя в руки.)
Прости мне это малое расстройство.
(Смотрит на часы.)
Я вызвал двух врачей,
Один — из русского посольства,
Другой — француз.
Они должны сейчас сюда прибыть.

(Уходят. Входят врачи Преображенский и Лятрок. За ними слуга.)

Слуга

В гостиную прошу вас, господа.
Я доложу о вас. Пожалуйте сюда.
(Уходит.)

Преображенский

Так вот он, этот барский дом,
Который я всем сердцем ненавижу.
Мог ли подумать в юности о том,
Что я войду в него, его увижу!..
Ну, что ж, спасибо светскому Парижу!
Мог ли когда-нибудь подумать я,
Что будет здесь ступать нога моя?
Могу коснуться бархатных гардин,

Стенных обоев и обшивок кресел,
Где отдыхает этот господин,
Сенатор знатный, добрый семьянин,
Непогрешим кощунственно и весел.

Лятрок

Вопрос один.
Он, может, и некстати.
Откуда эта ваша злоба к знати?
Какого рода вы, мосье Преображенский?

Преображенский

Отец мой бедный попик деревенский.
Из разночинцев я.
А разночинец
Для знатных бар
Звучит, как якобинец.
Иной руки при встрече не подаст.
А вот болезни их, я это знаю лично,
Ведут себя
весьма демократично —
С почтеньем
в гости зазывают нас.
Но дело в данном случае не в том.
Вы знаете, чей этот знатный дом?

Лятрок

Вы ж сами знаете, чья это вилла.
Взлетел ее хозяин высоко.
В сенате спорил он с самим Гюго.
Вся Франция об этом говорила.
Ах да! Ах да! Я вспомнил: в самом деле,
В России с ним стряслась беда:
Убил какого-то поэта на дуэли.
Но поступить иначе он не мог.
Так требовала честь.

Преображенский

Мосье Лятрок,
Тот выстрел, что Россию всю потряс,
Едва ли был услышан здесь, у вас.
Но вы еще узнаете о нем,
О нашем Пушкине. Не вы, так ваши дети.
Нет большего у нас врага на свете,
Чем тот, к кому сейчас вошли мы в дом.
Когда я был еще совсем юнцом,
Хотя его ни разу я не видел,
О, как его тогда я ненавидел.
Как я хотел сойтись к лицу лицом
С ним. И всадить в него свинец возмездья.
А там — пусть виселица, пусть тюрьма...
Но почему тогда сегодня здесь я?
Казалось бы, нелепо, и весьма.
Ведь я пришел к Дантесу не как мститель,
Как врач, а это значит, как спаситель
Его родного чада. Каково!
Он так боится за ее здоровье,
Он говорит о ней с такой любовью,
Нет для него дороже никого!
Да, я пришел. Я внял мольбе его.

Пришел под эту богом проклятую крышу.
Как человек его я ненавижу.
Как врач спасаю дочку для него.
Пусть яблочко от яблони,
Как говорят у нас,
И падает недалеко,
Пусть это дочь Дантеса.
Она моя больная
В этот час.
Нет у меня другого интереса.
Я не могу иначе, видит бог,
Я должен выполнить свой долг!

Комната Леони — дочери Дантеса. Леони одна. Входит служанка.

Служанка

M'avez-vous appelé, madame?[1].

Леони

Non, vous êtes libre, vous pouvez aller, Susanne[2].
(Служанка уходит.)
Опять французская чужая речь!
Она и на губах моих
И всюду в воздухе витает.
Я от рождения ее лишь слышу
От матери родной и от отца.
Но почему она мне кажется чужою,
Она же нянчила меня, меня растила,
Кормила материнским молоком.
Так почему ж она мне кажется чужою!
Особенно чужой после того,
Как до утра я книги русские читаю.
Здесь
отчий мой очаг. Так почему ж
Мне все Россия снится. Кто тому виновник?
Язык французский как постылый муж,
А русский словно пламенный любовник.
Как грешница, украдкой по ночам
Спешу к нему на тайные свиданья,
И предстает тогда моим очам
Морозных русских зим очарованье.
То вижу лес с багряною листвой,
То слышу вдруг до боли, до рыданья
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.
И сладко мне и тяжко...
Но откуда эта власть,
Всесильное влекущее начало?
Я русский будто и не изучала,
Я с ним в душе когда-то родилась.
В какой-то книге прочитала я,
Что во французской горной деревушке
В семье крестьян безграмотных и нищих
Родился мальчик. Но не по-французски,
А по латыни начал говорить.
Хотя его никто не обучал латыни,
Он наизусть Овидия читал.

---

[1] Меня вы звали, госпожа?
[2] Нет вы свободны. Можете идти, Сюзанна.

В полубреду он грезил грозным Римом,
Боями гладиаторов, когортой,
Идущею в поход на диких галлов.
Как будто жил он в том далеком веке.
Как это все ему передалось?
Откуда это эхо древних римлян,
Откуда этот голос римской крови?
Не знаю, это сказка или быль.
Так и со мной. Во мне неистребимо
Болит, тоскует русская душа.

(Пауза.)

Но, может быть, я б и не знала русской речи,
Росла б француженкой, как все мои подруги,
Когда бы в детстве вдруг не догадалась,
Что в нашем доме тайна русская живет.
В семье все так загадочно молчали
О Петербурге и о русской тете —
О Натали, о маминой сестре.
Мы от нее не получали писем,
За все года — ни одного, ни разу.
И сами мы ей писем не писали
Ни в Рождество, ни в Новый год, ни в Пасху.
О ней мне запрещали говорить.
Потом узнала я от Лизаньки Чаурской,
Что мой отец в России на дуэли
Убил супруга тети Натали —
Великого народного поэта.
И это так меня ошеломило —
Я не могла ни есть, ни спать. Все время
Стоял передо мною с укоризной
Печальный образ гения-поэта,
Убитого моим отцом. И я решила
Узнать, узнать во что бы то ни стало,
Что
написал он,
чем
он так велик.
Вот для чего с таким упорством изучала
Я столько лет его родной язык.
Учил меня
он, Пушкин,
русской речи.
Он, Пушкин,
мне
Россию
подарил.
Его божественным стихом заговорил
Ее простор
в дыму полтавской сечи
И в тишине
задумчивых полян,
Где встретился с Людмилою Руслан.
(Достает портрет Пушкина.)
Портрет его... он тайно мной храним.
Как пред святой иконой, перед ним
Зажгу молитвенные свечи.

(Вешает портрет рядом с иконами. Зажигает свечи.)

Пока живу, до смертного конца

В одном
моей судьбы
предназначенье —
Замаливать
кровавый грех
отца,
Так, видно,
суждено мне
от рожденья.
По силам ли нести мне эту ношу?..
Болит все тело... Голова в жару...

(Становится на колени перед иконами, перед портретом. Молится. Не замечает, как входят Дантес, Геккерен и врачи.)

Преображенский

(про себя)

Что вижу я?.. Его портрет
Здесь, в доме этом.
И дочь Дантеса
На коленях
пред его портретом!

Леони

Как замолить кровавый этот грех
Перед Россией?
Господи, дай силу.
Весь род наш проклят.
Мы все его убийцы.
Кровь,
Кровь на руках моих!
Его убила я,
спокойно,
хладнокровно.

Геккерен

(в ужасе, шепотом)

Она сошла с ума!

Леони

...*спасенья нет:*
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет...
И это та рука,
Что в детстве по щеке меня любила гладить
Горят клеймом ее прикосновенья...
(Рыдает.)
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы,
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что́ он руку поднимал!..

Дантес

(бросается к ней)

Молю тебя, опомнись, дочь!

Леони

(в экстазе, в полузабытьи)

Убийца!

Прочь, убийца,
Прочь!

(Дантес хватается за сердце, тяжело оседает на стул.)

Гостиная в особняке Дантеса. Дантес лежит на диване после сердечного приступа. Около него Геккерен.

Геккерен

Ну, слава богу, обморок прошел.
Мой бедный мальчик, экое безумье!
Я понимаю, что удар тяжел.
Спасти нас может лишь благоразумье.

Дантес

Два вызова его, и оба мимо пролетели,
И оба не попали в цель.
У нас с ним было две дуэли,
И вот сегодня
третья, и последняя, дуэль.
Ведь это ж дочь моя, ведь я же ей отец!..
Каким спокойствием унять такую муку?
На этот раз меня сразил его свинец —
Попал
мне в сердце,
а не в руку.
Казалось, нет его. Немалый срок прошел,
А он меня во Франции нашел.
Как он сейчас смеется надо мной!

Геккерен

(властно)

Довольно, хватит! Для больной
Я требую домашнего ареста.
Она сошла с ума. Не ты тому виной.
Ей в сумасшедшем доме место.
Ее мы в этот самый дом
Сегодня же немедленно свезем.

Дантес

Нет, ни за что! Я не согласен. Нет!

Геккерен

(холодно)

А ты б хотел, чтоб этот вздорный бред,
Чтоб эти обличительные речи
Узнал бы завтра весь Париж?
Весь высший свет?
И про портрет.
Да, про его портрет,
Пред коим, как перед иконой, свечи.
Какая это новость для газет!
Подобной не придумаешь сенсации,
Подумать только — кто? Сенатор Франции
Позорно проклят, как убийца, как злодей,
И кем? Родною дочерью своей!
Подумай о врагах твоих, по крайней мере.
В России да и здесь немало их!
Какое это торжество для них!
Уж тут наверняка конец твоей карьере!

Дантес

(как бы сникая)

Опять карьера!

Геккерен

(иронически)

Что ж! Карьера — не пустяк.
Нет и не может быть других стремлений.
Расстаться с жизнью может гений,
С карьерой — только лишь дурак.
А если так,
Уж лучше умным умереть,
Чем жить на свете идиотом,
Почет иметь, успех иметь
И пренебречь успехом и почетом!

Дантес

Уж лучше сам я... в сумасшедший дом.

Геккерен

Ну чем еще меня ты огорошишь?

Дантес

Я не могу ее...

Геккерен

(яростно)

Нет, можешь, можешь, можешь!
(Входит Преображенский.)

Преображенский

Она заснула крепким сном.

Дантес

Что с нею, доктор?

Преображенский

Нервное расстройство.

Геккерен

Нет, хуже. Надо нам иметь в виду —
Болезнь рассудка у нее в роду.
И это вызывает беспокойство.
Ведь Гончаров — покойный дед ее —
Умалишенным был, как всем известно,
То в буйство он впадал, то в забытье,
Был несмышлен, как малое дите...

Преображенский

Напоминанье ваше столь любезно!

Геккерен

Ее люблю я, как родную дочь.
Ирония здесь, право, неуместна.
Я ей хочу от всей души помочь.
Она живет как девица в светлице,
А нужен ей совсем другой режим.
Пока не поздно, ей необходим
Покой психиатрической больницы.

Преображенский

Покой?

Геккерен

Вот именно — покой, уход, леченье!

Преображенский

Вы тоже так считаете, отец?

Дантес

Да... как ни тяжко...

Геккерен

(властно)

У отца такое ж мненье.

Преображенский

(про себя)

Ее, святую от рожденья,
Запрятать в сумасшедший дом?
Подлец, какой подлец!

(Дантесу.)

Я разбираюсь лучше вас в недугах.
Курорт ей нужен, смена мест, людей...

(Про себя.)

Чуть не сказал — родни.

Геккерен

(резко)

Мы больше в ваших не нуждаемся услугах!
Пойдем, мой мальчик, в спальне ляг, усни.

(Дантес уходит, поддерживаемый Геккереном.)

Преображенский

Какое горе и какое торжество,
Да, торжество божественного Гения.
К ней, бедной, снизошло
как волшебство,
Нет,
не безумство,
А скорей
прозрение!
В себе лелеял с детства эту месть я.
Есть высший суд — я убедился в том.
Ее запрячут в сумасшедший дом,
Но не запрячешь
в этот дом —
возмездья!

Занавес